

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 126

(Апрѣль).

1909.

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Слова наши должны служить происходить не отъ страсти, но отъ разума.—Черезъ многословіе впадаемъ во многоразличныя бѣдствія.—Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь. *Герм. Неофита.*—Чѣмъ жива наша русская православная душа. *Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.*—Отецъ Теофанъ. (Воспоминанія).*—Изъ наставленія Преподобнаго Теодора сыну своему. *Н. К.*

Прилагается къ Волг. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

ОТЕЦЪ ѲЕОФАНЪ.

(Воспоминанія).

Въ нашемъ журналѣ печатался дневникъ одного инока, подъ заглавіемъ: „На пути въ объятія Отчи“.

Я хочу познакомить читателей съ весьма замѣчательною личностью автора этого дневника, котораго многіе сограждане, безъ сомнѣнія, видали, знаютъ по имени, а можетъ быть иные были знакомы лично и почитали.

Дневникъ этотъ принадлежитъ о. Ѳеофану, бывшему инспектору нашей семинаріи. Среди людской суеты и сутолоки, среди жизненныхъ волненій и борьбы за всевозможныя свободы, на такихъ людяхъ отдыхаетъ усталый взоръ и находитъ себѣ отраду и утѣшеніе исполненное разбитое сердце. О. Ѳеофанъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ немногихъ искренно благочестивыхъ людей, про которыхъ обыкновенно говорятъ: „человѣкъ не отъ міра сего“, или „это—рабъ Божій“. Не долго намъ пришлось быть знакомымъ съ нимъ, скоро онъ умчался далеко, далеко... Но и кратковременное знакомство съ нимъ оставило самыя отрадныя воспоминанія, какъ чего-то особенно свѣтлаго и прекраснаго.

Это былъ истинный аскетъ и подвижникъ. Добрый, жизнерадостный—онъ весь былъ любовь. Вся мечта его, всѣ желанія и стремленія—монастырь да келлія. На свое служеніе духовному юношеству онъ смотрѣлъ какъ на святое послушаніе волѣ Божіей... О. Ѳеофана можно было видѣть только или въ семинаріи, или въ церкви. Я познакомился съ нимъ въ день храмоваго праздника. Между прочимъ, я передалъ ему поклонъ отъ брата,

его товарища по образованію. Онъ обрадовался мнѣ, какъ родному. Сейчасъ же потянулъ меня къ себѣ въ квартиру и сталъ угощать всѣмъ, что только лучшаго нашлось у него. Мало того, онъ нашелъ гдѣ-то у себя черный платочекъ, завернулъ въ него мнѣ гостинцевъ на дорогу и убѣждалъ взять ихъ. Съ тѣхъ поръ прочно завязалось наше знакомство. Я просилъ его посѣтить меня. Онъ каждый разъ общалъ непременно, но ни разу не исполнилъ своего обѣщанія. Ходить въ мірскіе дома было не въ его правилахъ.

Видѣть о. Оеофана приходилось мнѣ не часто. Большою частію встрѣчались мы въ храмѣ Божіемъ. Въ высшей степени пріятно было смотрѣть на него во время Божественной службы. Послѣ причастія Св. Таинъ лицо его сіяло какою то неземною радостію. Молитва—его жизненная стихія. Служилъ онъ едва ли не каждый день. Если почему нибудь это неудобно было въ семинаріи, онъ шелъ въ приходскую церковь. И какъ усердно онъ молился!...

Тогдашній о. Ректоръ семинаріи говорилъ объ Оеофанѣ: „я желаю, чтобы подольше оставался онъ въ нашей семинаріи. Его молитвами она будетъ ограждена отъ всѣхъ золъ и напастей“. Дѣйствительно, въ его пребываніе, семинарія ограждена была какъ бы каменной стѣной. А съ его отъѣздомъ настали для нея тяжелые дни...

Чтобы ближе познакомить читателя съ этою замѣчательною личностію, я расскажу о нѣсколькихъ дняхъ моей гостѣбы въ его квартирѣ.

Оговариваюсь, что я буду изображать жизнь его безъ всякихъ прикрашъ и прибавленій. Сколько могу, постараюсь представить читателю *живаго человека*.

Это было такъ. Семья моя лѣтомъ жила въ деревнѣ. Вмѣстѣ съ семьею былъ тамъ и я, но непостоянно. Служебныя обязанности заставляли меня время отъ времени возвращаться въ городъ. Моя квартира была заперта. Не хотѣлось идти ночевать въ пустой домъ. Рѣшаюсь обратиться къ о. Оеофану, чтобы онъ далъ мнѣ у себя въ квартирѣ временный пріютъ. Радехонекъ. Вотъ, отслуживъ праздничную всенощную, и прихожу къ нему. Онъ тоже служилъ гдѣ-то вблизи семинаріи. Я засталъ его уже въ ожиданіи себя за самоваромъ. Напились чаю. Въ самоварѣ же онъ сварилъ по яичку. Нашлась еще рисовая каша. Это—ужинъ. Долго мы бесѣдовали съ нимъ, отдались сладкимъ воспоминаніямъ своей юности... Пробыло двѣнадцать. Ну, теперь будемъ читать правило, скомандовалъ хозяинъ. Завтра нужно служить обоимъ. „Читай сначала ты“, предлагаетъ мнѣ Оеофанъ. Стали молиться. Онъ всталъ сзади меня. Вдругъ, когда дошли до канона Божіей Матери, онъ запѣлъ первый ирмосъ, запѣлъ какъ-то восторженно, сладостно своимъ высокимъ тено-

ромъ: „воду прошедъ яко сушу“... И дальше онъ пѣлъ каждый ирмосъ. Получалось что-то чудное, необычное... Никогда не забыть этихъ святыхъ минутъ...

Кончилось правило. „Ну, теперь я буду готовить постель“, сказалъ о. Оеофанъ. Въ ожиданіи пріятнаго сна я присѣлъ. Вижу, онъ тащитъ одну рясу и разстилагетъ ее по полу. Потомъ другую. Сначала я стѣснялся спросить его—зачѣмъ это? Но вижу, что и мою рясу постигла таже участь.—Зачѣмъ рясы-то натаскалъ? спрашиваю.

— „Это вотъ тебѣ постель, а тутъ мнѣ“, отвѣчалъ хозяинъ.

— „У меня хоть и есть кровать, но я предпочитаю спать на полу. Тоже рекомендую и тебѣ“.

Улеглись. Долго и еще бесѣдовали. Ему нужно было служить раннюю, а мнѣ—позднюю. Въ пять часовъ утра онъ уже будить меня на утреннее правило. Прочитали. Поцѣловались. Онъ пошелъ къ ранней, а я сталъ ожидать своего времени. Послѣ обѣдни я возвратился къ семьѣ въ деревню.

Подобнымъ же образомъ я гостилъ у о. Оеофана и въ другой разъ. Пришелъ я изъ деревни пѣшкомъ, верстъ за шесть, въ жаркій лѣтній день, отслужилъ воскресную всенощную въ женскомъ монастырѣ и усталый, утомленный являюсь къ о. Оеофану. Онъ только что тоже пришелъ изъ церкви и, видимо, тоже очень усталъ. Поздоровались.

„Ну, чѣмъ я буду угощать тебя?“ Спрашиваетъ хозяинъ.

Безъ стѣсненія я отвѣчаю ему: „голубчикъ, дай чайку!“

Со строгостью инока онъ возражаетъ: „не стану ставить самоваръ, а буду готовить ужинъ“. Келейника у него не было.

Я повторяю свою просьбу, ибо въ горлѣ у меня пересохло.

Послѣ долгихъ убѣжденій онъ уступилъ мнѣ, но назначилъ наказаніе:

— „Ну, я пойду ставить самоваръ, а ты на керосинкѣ вари кашу. Да смотри, мѣшай чаще, а то уплыветъ“.

Каша была наложена. Хозяинъ пошелъ ставить самоваръ, а я неопытной рукой принялся за необычное для себя занятіе. Сначала дѣло шло, какъ слѣдуетъ, но потомъ вышла нѣкоторая неприятность: каша поплыла. Безпомощный, я неистово сталъ звать къ хозяину.

— „Вотъ, говорилъ тебѣ, что самовара не нужно; кашу бы сварилъ я самъ и этого бы не вышло“, пенялъ мнѣ о. Оеофанъ. Но скоро онъ поправилъ мою бѣду и каша доварилась благополучно. Смотрю, онъ достаетъ изъ кармана одно яичко и спускаетъ въ кашу, потомъ другое... Яички не безукоризненной бѣлизны... „Что ты дѣлаешь?“ говорю я.

— „Яица спускаю вариться въ кашу; тутъ лучше, чѣмъ въ самоварѣ“—отвѣчаетъ хозяинъ.

Такъ приготовленъ былъ монашескій ужинъ и дѣло кончилось болѣе чѣмъ благополучно.

Собрали чай. Напились. Побесѣдовали. Послѣдовалъ ужинъ даже изъ трехъ блюдъ, какъ разъ по праздничному. У отца Оеофана нашелся еще клюквенный морсъ, изъ котораго онъ приготовилъ превкусный кисель. Это было уже легко, благодаря обилію кипяченой воды въ самоварѣ. Итакъ, яйца, каша и кисель! Чего же больше?!.. И мы оба счастливые, довольные, прочитали правило и улеглись на тоже ложе, какъ и раньше...

О. Оеофанъ былъ безсребренникомъ. Разъ какъ-то онъ открываетъ предо мною ящикъ своего письменнаго стола, который у него даже не запирался. Смотрю, среди другихъ вещей, валяются два полтинничка. „Что это у тебя и деньги тутъ же валяются“—спросилъ я.—„Тутъ всѣ мои капиталы“—отвѣчаетъ онъ.

— „Какъ? Третьяго дня ты получилъ жалованье и у тебя только осталось?.. Какъ же жить-то будешь?“

— „Богъ не оставитъ“, отвѣтилъ о. Оеофанъ.

Единственнымъ любимымъ занятіемъ, которому преданъ былъ о. Оеофанъ, была иконопись. Въ этомъ искусствѣ онъ проявлялъ несомнѣнный талантъ. Свою любовь къ этому дѣлу онъ хотѣлъ привить и своимъ питомцамъ. Съ большимъ удовольствіемъ наблюдалъ я, съ какимъ увлеченіемъ писалъ онъ икону св. великомученика Пантелеимона для семинарскаго храма. Какое высокое наслажденіе доставляло ему святое дѣло! Въ этомъ искусствѣ несомнѣнно подражалъ онъ тезоименитому вышенскому затворнику святителю Оеофану, котораго глубоко почиталъ и тщательно изучалъ его творенія. Должно быть, ученикъ глубоко усвоилъ идеалы своего учителя. Затвориться въ келліи сдѣлалось жизненною мечтою и о. Оеофана. Но вездѣ и всюду онъ хотѣлъ сообразовать свои поступки съ волею Божіей. Съ этой же точки зрѣнія онъ смотрѣлъ на свое служеніе въ семинаріи. Указанія свыше ожидалъ онъ, чтобы осуществить свое завѣтное желаніе

Что произошло съ нимъ, я не знаю. Только вдругъ получаю извѣстіе, что о. Оеофанъ отправился уже на Аѳонъ, чтобы затвориться въ келліи и отдаться жизни созерцательной... Я слышалъ потомъ, что онъ и осуществилъ свое завѣтное желаніе.

Сначала я посѣтовалъ на него, что онъ даже не простился со мной. Но скоро мое сѣтованіе смѣнилось хрістіанскимъ утѣшеніемъ, что это—молитвенникъ за родъ хрістіанскій, что это уготованная жертва Богу.

Осуществились на немъ слова Писанія: *не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.*

Гдѣ ты, другъ милый мой? Живъ ли? Здравъ ли пребываешь о благодати Божіей?..

Какъ бы хотѣлъ я повидаться съ тобой! Какъ бы желалъ насладиться твоею задушевною бесѣдой!

Не думаю, чтобы эти строки когда нибудь дошли до тебя.
Прости мнѣ, если я погрѣшилъ противъ твоей скромности

* * *